

И С Т О Р И Я
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА,
СОСТАВЛЕННАЯ КНЯЗЕМ А.Г. ГАГАРИНЫМ

в апреле 1907 года, выдану привлечением к уголовной ответственности по статье № 341, за бездействие власти: директора, декана, профессора — заведующего студентами и его помощника по делам общежития

(Продолжение. Начало в № 1 за 1999 год)

23 января 1905 года Генерал-Майор Трепов призвал к себе директоров высших учебных заведений, прося указать способ скорейшего возобновления занятий. (Таким образом, Треповым положено начало Советам Директоров, дающим возможность Советам оговариваться друг с другом и согласовывать в действительности.) Прежде, чем идти на это заседание, я дал себе слово, что высказку Трепову всю правду. Я сказал: "Когда один студент убит, двое арестованы, когда мистификатор, вымысл уважаемый профессор Кареев необоснованно арестован (теперь после 11 дней крепости он выпущен), тогда заниматься нельзя. Дайте гарантию, что перестанете стрелять на улицах, арестовывать, обыскивать; и завтра занятия начнутся и пойдут мирно. Обыщите, что жизнь и свобода в Петербурге обеспечены, и тогда мы возьмем на себя ответственность, что в комнатах обыскивать не будет ни тайных типографий, ни притонов, и что занятия пойдут правильно". Трепов сказал: "Такой гарантии я не дам". Я ответил: "Тогда ответственности нет".

После того, на заседании Совета, 6 января 1905 года профессор Н.А. Меншуткин сказал: "Я выражу общее желание членов Совета, если предложу благодарить г. директора института — князя А.Г. Гагарина — с достоинством представляющего Санкт-Петербургский Политехнический институт в Советании, созванном генералом Треповым". Предложение профессора Н.А. Меншуткина было единогласно принято.

Копия письма

от А.А. Сухомова из Ельца, 1 февраля 1905 г.

"Милостивейший Князь Андрей Григорьевич,

Только на днях я узнал о Вашем ответе генерал-губернатору Трепову на Советании представителей высших учебных заведений, по вопросу о начале занятий в них — ответе столь выделанном и по своей силе, прямоте и столь откровенному достоинству того учреждения, представителем которого Вы являетесь.

Не могу удержаться от желания высказать Вам чувства глубочайшего уважения и преклонения за

столь достойное Ваше поведение, на которое, поверьте, обратила свое внимание вся мыслящая Россия. Мы так отвлекли от прямого, искреннего, свободного слова и поведения. Я пришел к печальному убеждению, что чуть ли не главным, если не единственно важным виновником нашего ужасного режима, неустойчивости являются опять иные, как мы их сами — Члены Общества. Всегда и всегда мы, в лучшем случае, молчим или идем на попятный командиром, либо, что много хуже, но, к несчастью и отчасти нашему, далеко нередко — подделываемся под власть мущин, льстим и... попросту лжем...

Побольше бы прямоты, искренности, правды настоящей (не той "правды — только правды", которую нас корят) и, в нужных случаях, смелою протестом, и, поверьте, выразителем своим прогнившим режимом давно бы сломали оружие. В частности, если бы во всех высших учебных заведениях была бы такая же солидарность студентов, профессоров и высшего начальства, как в Вашем Политехническом институте, и от немыслимых из разрывов бы починил такое смелое и правдивое слово, как Ваше, и столь необходимой академической свободой давно бы приблизилась. Я скажу, что доверия сына в подобном учебном заведении, как то, в котором Вы являетесь столь достойным руководителем.

Поверьте искренности моих слов и чувства моего глубочайшего к Вам уважения".

Трепов был суров и несведущ, но куда благороднее тех, с кем мне пришлось иметь дело после него. Хотя он и сдерживал мою горячую речь, он ею убеждался и после того в августе, под влиянием Сергея Трубецкого, он в последнюю минуту, перед началом занятий, осенью 1905 года, изыскал и действовал у ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА для всех высших учебных заведений ту автономию, какою мы пользовались с самого начала. Правда, я просил свободы везде, автономия же была дана только на территории высших учебных заведений, и туда стали стремиться все, нуждающиеся в безопасных собраниях.

До мая 1905 года общежития были обязательно для всех студентов, за исключением тех, кому Правление разрешало жить в городе у родителей. На этом и на безбрачии студентов Вите стоял твердо, неизменно. Никакие просьбы

ном, Правлении и даже Совета, обращенные по этому вопросу к Витте, а затем к Коковцеву, не могли сбросить обязательности общежития. Студента, совершившего в общежитии проступки против нравственности и вообще нарушившего правила общежития, Витте и Коковцев предлагали увольнять из института. Но если студент в институте занимался удовлетворительно, Совет отказывался его увольнять из института за несоблюдение правил общежития.

Поэтому поневоле приходилось смотреть сквозь пальцы на несоблюдение этих правил. Три года, три первых года министры продолжали настаивать на обязательности общежития. В эти три года, 1902–1903, 1903–1904, 1904–1905, традиция по отношению к нравственности студентов в общежитии портилась на глазах беспощадного начальства. Карты развелись до безобразия, и препятствовать им мы отказались, так как обращение к добрым чувствам студенчества не действовало на игроков. Гнать их не было позволено из общежития с правом продолжать учение в институте, а смысла я и сам не позволял.

За приведение в общежитие женщины в 1902 году студент Ковалевский, учивший плохо, по моему совету, оставил институт, во избежание Профессорского суда. Студенту Захарову за это же, ввиду искреннего раскаяния, был объявлен выговор. В 1904 году Профессорский суд удалил студента Клоторова, на срок с мая по сентябрь, а удалить его из общежития не мог.

В 1904 году обязательность общежития и связанная с нею беспощадность начальства в установлении порядка и уменьшение его простоя сослужило службу революции. Наконец, лишь в мае 1905 года, благодаря товарищу министра В.И. Тимирязеву, которого мне удалось уговорить, Коковцев согласился сделать общежитие необязательным как раз в самый разгар революции. В такой момент трудно было собрать волеж, распушенные в течение трех лет поневоле.

В это время профессор В.И. Станевич только что был назначен заведующим студентами, которых не было, и он, избранный в Комиссию по выработке себе инструкции, указал на отсутствие необходимого материала, так что Совет с ним согласился повернуть постановлением инструкции, требовавшейся Советом от своей Комиссии.

10 августа 1905 года Учебный отдел Министерства торговли и промышленности, за № 4151, затребовал эту инструкцию от исполнявшего обязанности директора профессора Н.А. Меншуткина, который, по-видимому, затерял это отношение и не передал ни Правлению, ни Совету об этом поручении. Это явствует из прилагаемых трех выписок:

М.Ф.	“У. Слушали и
ЗАЯВЛЕНИЕ СПБ.	поставили передать
Политехнического	профессору
института	В.И. Станевичу
Выписка из журнала	препровожденные
Правления № 32 от	Учебным отделом, при
16 авг. 1905 года.	отношении от 10 сего
Председательствовал:	августа за № 4151.
Н.А. Меншуткин,	приняла для студентов,
присутствовал:	пользуясь обще-
И.И. Иванков,	житием, утвержденные
и А.П. Макаловский.	Г. Министром Финан-
	сов
	29 июля сего года”.

М.Т. и ПР.
Совет СПб. Политехнического института.
Председатель Н.А. Меншуткин.
Выписка из протокола № 14 заседания Совета, от 3 сентября 1905 года.

“У. Слушали сообщение профессора-заведующего студентами – В.И. Станевича о том, что в составленном Советом и представленном на утверждение Г. Министру Финансов “Правила для студентов Санкт-Петербургского Политехнического института” и “Правила для студентов, пользующихся общежитием при Санкт-Петербургском Политехническом институте” Г. Министром Финансов внесены некоторые изменения.

Позволил поручить Комиссии, избранной в прошлом году для составления этих правил, представить доклад об означенных изменениях к следующему заседанию Совета”.

М.Т. и ПР.
СПБ.
Политехнической институт

Выписка из протокола № 16 заседания Совета от 7 сентября 1905 года.

“Слушали доклад Комиссии об изменениях, внесенных Г. Министром Финансов в “Правила для студентов Санкт-Петербургского Политехнического института” и в “Правила для студентов, пользующихся общежитием при Санкт-Петербургском Политехническом институте”.

Позволил изменения, внесенные Г. Министром Финансов, принять и исполнению, доклад Комиссии утвердить, а Комиссию благодарить”.

В начале сентября 1905 года в Санкт-Петербургском Политехническом институте до начала занятий собралась большая сходка. Можно было ожидать, что, по примеру других высших учебных заведений, на ней выработается резолюция: “Открыть аудитории для лекций и для митингов”. Весь наш Совет пошел на эту сходку.

Сказано, что я был опасно болен, не мог быть там. Профессор А.С. Посников перед началом сессии сказал, по поручению Совета при преподавателях, приблизительно следующее:

«Мы, преподаватели Санкт-Петербургского Политехнического института, считаем, что занятия должны возобновиться, и признаем, что принятие сессийской резолюции, рекомендуемой студентам упрощает учебные занятия, заменяя их публичными митингами, делает для нас продолжение академической деятельности в стенах института невозможным. Осуществление такой программы поставило бы профессоров в необходимость ограничиться чисто формальным исполнением своих обязанностей: студенты или вовсе не присутствовали бы на занятиях, или посещали бы их только в виде отбывания повинности. Мы не помели на это в свое время по требованию администрации, но можем пойти и теперь. Мы считаем участие в освободительной борьбе долгом каждого гражданина; но ряд учебных занятий открыты, формы участия студентов не должны протворчать серьезности и достоинству научных занятий. Поэтому перед открытием института студенты не должны стать своих учителей в положении, несомненно с их нравственным достоинством и научным долгом. Принимая сегодня столь ответственное решение, пусть наши слушатели знают, что в условиях, создаваемых подобной резолюцией, мы продолжим нашу академическую деятельность в институте не можем».

Убеждение это возымело действие, и 12 сентября 1903 года занятия пошли. Факт этот пришел в газетах незамеченным, и только в одной газете, кажется, "Слово", было сказано, что "в ножки надо бы поклониться Совету Санкт-Петербургского Политехнического института за его решимость".

13 сентября 1903 года после митинга я сказал студентам следующую речь:

"Милостивые Государя.

Первые, самые простые шаги сделаны, и есть надежда, что наше отечество теперь не остановится на пути своего политического развития и должно будет обеспечить своим гражданам партию порядка и закона. Уверен в этом, и не сомневаюсь, что Вы, как лучшие из нас, будете иметь возможность спокойно и неустанно работать на пользу нашей дорогой родины. Работы от Вас для России нужно не сто раз больше, чем вы можете дать. Ведь в России ничего почти нет, сделанного человечеством. Види самостоятельные работы будут состоять из двух частей: изучить политические дела во всей его отчаянной сложности, сделать это, как сделал вы ученый, на более простые составные части, исследовать их поодиночке в лаборатории или кабинете и понимать каждую из задач природы, как целое. Затем Вы должны создать. И если для первой части работы вы должны обладать знаниями ученого, то для второй вы должны иметь еще столько, как крестьянин. И оценит Вас не за то, что Вы знаете, а за то, что сделаете. Вы за это получите своей дробь заслужившей, а создание Ваше станет вечным источником богатства России. Умейте ценить работу товарищей, создавайте из своего общества интеллектуальную почву, в которой бы их труды были поняти и принесали плоды, а не погибали бы, как погибли паровая машина Ползунова, изобретенная на шесть лет раньше Угличской. Давайте расквату царствовать! Давайте действительно и востли, но всех случаев относиться к своим поступкам критически».

Я на следующий день съезжал в Зимний двор, лично переговорил с Треповым о слуша-

Сходка студентов в Астном зале

апись и о своем конфиденциальном письме профессору Лесного участка. 13 сентября в 9 часов утра занятия начались, пошли нормально и продолжались так целый месяц. Маленькие митинги устраивались не в учебных помещениях и не в учебное время и академической жизни не мешали.

О следующем письме в институт никто и не знал.

И.Ф. Конфиденциально
Директор СПб. Политехнического института
13 сентября 1905 года

Приветствую Лесного участка в С.-Петербурге

"Ваше Высочайшее повеление извести мне представить ордер начальника Охранного Отделения от 20 сентября 1905 года о произвождении обыска в общежитии института в комнате студента Лавровского Петра".

Сам знаешь, что я не могу допустить означенного обыска, так как ордер обыска у студента Саруцкого 29 ноября 1904 года доказал, что: 1) у здешних студентов товарищам "очистка" клеветки на, чтобы обыск ни к чему не привел; 2) обыск может не утратиться, т.е. не обнаружится владение сопротивлением студентам; 3) я, по бывшим, не могу содействовать Вам в задавать Владу личность; 4) я не могу согласиться на то, чтобы студентам, столь часто великодушию и с участием занимающихся, их потоловно были выведены из необходимого для себя спокойствия и приведены в ярость из-за одного своего товарища; 5) ордер произвождит секретному распоряжению Генерал-Губернатора, мне секретно сообщенному Директором полиции Г. Парвизом, что полиция не должна вступать на территорию высших учебных заведений ни в каком случае, а может вступать в борьбу со студентами только вне территории".

Подписал Князь А.Г. Гагарин.

Активное вмешательство учебной коллегии, а тем более внешней власти, в целях сохранения высших учебных заведений, от устройства собраний с участием посторонней публики, неминуемо поведет к закрытию высших школ. Ввиду тяжелой необходимости, соединенной с прекращением академической жизни, как для учащегося множества, так и для всей страны. Совет признает необходимым принимать какие либо меры против собраний, устраиваемых ниже студентами во внеучебное время и им мешающих ходу занятий. (Представлено господину Министру финансов — Коковцову, в виде исключения из protocols).

В это время в университете митинги имели место в аудиториях каждый день и целый день. Целые огромные слои населения Петербурга пропитались анархическими мыслями и фактически мешали в высших учебных заведениях занятиям.

14 октября 1905 года в Санкт-Петербурге Академический Совет, к которому я не принадлежал, большинством голосов, высказался против академической забастовки, но за допущение митингов в стенах учебных заведений, так как новые правила о публичных собраниях, изданные указом 12 октября 1905 года, не давали населению гарантии неприкосновенности личности. Из 500 человек только 8, в том числе 6 из Политехнического института: Вокленский, Гамбаров, Иванюков, М. Ковалевский, Меншуткин и Писковский, открыто высказали свое мнение против митингов Академический Совет, однако, решил, что препятствовать митингам без кровопролития невозможно.

У нас занятия продолжали идти до 14 октября, когда по всей России был полный разгар всеобщей забастовки.

14 октября было получено приказание Министра закрыть институт. По этому поводу 14, 15 и 16 октября были собраны экстренные заседания. На последнем я прочел следующую телеграмму Министру финансов:

"Ссылаясь на предложение мое, от 13 сего октября и ввиду не поступившего еще ко мне постановления Совета, предлагаю Совету, во внимание и наступившему тревожному времени, закрыть институт, ввиду не особого распространения, имеющего последовать в ближайшие дни".

Советом единогласно принят ответ.

"В заседании 14 и 15 октября 1905 года Совет имел суждение по существу предложения Вашего Высочайшего повеления от 13 октября о немедленном закрытии института в случае невозможности воспрепятствовать устройству митингов авторитетом Совета и изыманием в его распоряжение средства. Признавая, что митинги, подобные тем, которые устраивались до сих пор, не служили и не могут служить достаточным основанием для закрытия института, Совет поручил избранной им редакционной Комиссии выработать мотивированный ответ по сему вопросу и представить его на утверждение Совета в заседании, назначенном для этой цели. Ввиду полученной сегодня ночью телеграммы Вашего Высочайшего повеления с предложением о закрытии института, Совет считает делом обречь Ваше величание на те соображения, которые делал, по мнению Совета, закрытие института несущественным, несмотря на то, что 14 октября учебные занятия временно прекратились. Закрытие института должно повлечь за собой прекращение студентам доступа в учебные здания института, а это является невыполнимым, вследствие того, что огромное число студентов (около 500 человек) живет в общежитии, при самом институте. Нужно принять во внимание, что, если бы студенты даже покинули общежитие и вернулись на родину, они в данный момент фактически лишены возможности исполнить это. При таких условиях всякая попытка применить силу к ограничению доступа студентов от доступа в них студентов создаст крайнее обостренное отношение и может довести даже до кровопролития.

Совет признает себя нравственно ответственным за безопасность и жизнь студентов как перед их семьями, так и перед всем обществом, и предоставляет возможность больших несчастий в случае применения посторонней силы для закрытия института. Ввиду этого Совет, не приводя в исполнение предложения Высшего Высочайшего Училища, считает своим долгом самым решительным образом заявить о тех чрезвычайных обстоятельствах, с которыми будет связано закрытие института¹.

Постановили предать это постановление г. Министру финансов, не приводя в исполнение распоряжение о закрытии института.

16 октября, с 3 часов, войска с пулеметами заняли все дороги к общежитиям и Главному зданию, чтобы не дать собраться митингу. Тренов дал мне короткий срок, чтобы выселить всех студентов из общежития и закрыть его, грозя, что, в случае митинга, он не оставит камня на камне. Я собрал сходку и сообщил студентам свой разговор с Треновым, рекомендуя им не делать быстрых революций, а спокойно отнестись к событиям.

В то время, как в газетах говорили, что Советы закрывали высшие учебные заведения, наш Совет получил от Учебного отдела Министерства финансов отношение от 17 октября 1905 года за № 5337.

"Вследствие представления, от 16 октября за № 111, Учебный Отдел имеет честь сообщить Совету Санкт-Петербургского Политехнического института, по распоряжению Г. Министра финансов, что Его Высочайшее Училище предлагает Совету немедленно привести в исполнение распоряжение о закрытии Санкт-Петербургского Политехнического института, т. е. его лабораторий, аудиторий, актового зала, чертежных и прочее, из соображения необходимости именно предпринять столь важное мероприятие с высшей силой, без его извещения. Соположение посторонних в общежитиях не должно быть допуском".

17 октября, поздно вечером, я получил опубликованный экземпляр ВЫСОЧАЙШЕГО манифеста, решил сообщить его студентам. Громадное большинство их приняло его с энтузиазмом, точно вывели наконец из тупика. Очень немногие крайне были недовольны, чувствуя, что древняя конституция отнимает у них почву под ногами. Очевидно было, что при изменчивых обстоятельствах занятия должны идти, и потому Совет, 18 октября 1905 года, единогласно постановил:

"Св временем представления Совета, от 16 октября 1905 года, опубликован Государственным Акт первоначальной важности, несокращенным результатом которого должно быть коренное изменение облика условий жизни страны, так пагубно отражающееся и на жизни высших учебных заведений. Таким образом, к высказанным ранее соображениям о невозможности исполнить распоряжение Г. Министра присоединяется новое обстоятельство, устанавливающее Совет еще осторожнее отнестись к акту закрытия института, тем более, что Совет на-

деждет надежды на восстановление нормального хода академической жизни в ближайшие дни. При таких условиях объявление института закрытым могло бы иметь совершенно нежелательные последствия и грозило бы затруднить возобновление учебных занятий, составляющих единственную цель существования института".

19 октября 1905 года Советом было положено начать занятия 1 ноября 1905 года, если будет гарантировано неприменение военной силы против занимающихся.

В это время Выте удалил Кокоченца, который мне показывался на животин грубую форму, в какой это было над ним произведено. Было создано новое Министерство торговли и промышленности, и наш институт в него переведен из Министерства финансов.

Ввиду этого, я поехал к Министру торговли и промышленности — Тимирязеву, который отнесся вполне сочувственно к моему желанию возобновить учебные занятия в институте и предложил мне по вопросу о гарантировании неприменения военной силы против занимающихся обратиться к Министру внутренних дел Дурново, так как он, Тимирязев, необходимым в этом смысле распоряжением сделать не может. Дурново при мне написал и дал мне списать записку Градоначальнику Дедюлину:

"В Санкт-Петербургском Политехническом институте, сохраняя несомненно от вторжения посторонних лиц охрану, не представлять никаким распоряжением Директора внутри институтских зданий и на территории института — перемол студентов из одного здания в другое".

Казалось, что нам удобнее: публикаazine не будет нарушена полицией, а внутри все заниматься вот и могут. Но, получив эту записку, Дедюлин уговорил Дурново не допускать у нас занятий. Он мне на следующий день сказал: "По секрету Вам скажу: мы боимся, что у Вас бомбы будут делать в химических лабораториях под наблюдением лаборантов, из которых одного мы знаем, только Вам не знаем". Говорить этого открыто мы не можем, и потому лаборатория упоминаем наряду с кабинетами, залами и прочими местами, где ничего не опасаемся". Я ответил: "Но студенты есть всяких партий, и при всех делать бомбы неудобно. Удобней тому лаборанту их делать одному на свободе, когда Вы запретите всем работать". Тогда Дедюлин перешел на формальную точку зрения, оказалось, что Дурново не имеет права отменить постановление особого совещания Министров о запрещении учебных занятий. При таких условиях функционировать лишь общежития.

¹С тех пор прошло полтора года, и до сих пор в один наш лаборант в изготовлении бомб не обвинялся и не арестован.

Студенчество стало разветвляться.

Кто мог (человек до 150) в течение ближайших дней последовать примеру моих двух сыновей и уехали учиться за границу, где и проработали два семестра. Больно было видеть, когда все студенты были выселены, уехали качкающиеся рейсами и скорбь на извозничьях и расселись по России. Прислута разногмана, температура в общежитии спустилась до 5 °F, лишь бы водопровод не замерз. И в таких-то условиях новая трагикомедия. Полиция не была осведомлена о нежном состоянии, в которое общежитие было приведено, и по срочу Охранного отделения 5 января 1906 года пришел к нам делать обыск новый полицеймейстер Шаффер. В нежном общежитии делать бессмысленный обыск завод скоро утонул охоту. У служителя нашли шаровой кланш пожарного водопровода и сочли его за бомбу. Мне пришлось с преискурантом резиновой мануфактуры в руках доказывать невинность служителя.

Пошли искать в Химическом павильоне. Маститый Н.А. Меншуткин козлся проводить Шаффера по помещениям. Видя их рядом, один из полицейских спросил меня: "А сколько Меншуткин получает?" Я ответил: "Как ординарный профессор — 3 000 рублей". "Шаффер 6 000 получает", — заметил полицейский. И тут ничего не нашли. Какой-то баба шепнула околотоичному, что она сама видела, как нечто такое перенесли из общежития в зал Совета. Когда я узнал о намерении Шаффера обыскать зал Совета, я просил не осекверить его нашу святая святых. Но Шаффер был непринимал, обыск проказил и ничего, кроме баллотировочных шариков, не нашел.

Весной, на всякий случай, был сделан безрезультатный обыск у профессора А.С. Ломашкова.

Отсутствие студентов и пашина дали профессорам время выработать переход курсовой системы к предметной, и тем дать возможность студентам наверстать потерянное время и прогнестить первые выпуски в конце 1907 года. За это время я "Известия Политехнического института" особенно изобилуют научными трудами, которым некогда было отдаваться в полной мере, пока студенты учились. Даже я, директор, нашел время сделать небольшое исследование об ударе, которое весной сообщил в Техническом кружке института, а осенью на Международном Конгрессе в Брюсселе по испытанию материалов.

Долгое бездействие всеи было в тягость, революция надежда, и с осени 1906 года занятия возобновились во что бы то ни стало. Хотя автономия высших учебных заведений не сопровождалась свободой собраний в городе, и в наши кланш по-прежнему тинуло всех посторонних, нуждающихся в свободных собраниях, никто у нас не примердепичал, жажду работы всех заста-

Письмо об утверждении Гагарина в должности директора на 1905-1906 годы

ва не обращать внимание на неправильность. Занятая пошла с неудовольствием.

В записке моей от 13 февраля 1902 года предуматривались представители студенчества.

Уже года два, по крайней мере, тому назад профессор Мешерский говорил на заседаниях Соединенного собрания технических отделений, что сближение профессуры и студенчества на академической почве необходимо и что следует сделать шаги в этом направлении. Все ему в этом сочувствовали, и многие по этому поводу говорили со студентами. Ныне осенью студенчество со осуществлением этого сделало первый шаг. Оно избрало из своей среды Совет старост, несколько представителей которого явились ко мне — Председателю Совета — с бумагой на имя Совета профессоров. В бумаге я прочел: "Совет старост предлагает Совету профессоров..." Я возвратил им бумагу, говоря, что по существу их просьбы заслуживают рассмотрения Совета, но форма... Когда Министр нам что-нибудь приказывает, он пишет "Прошу". "Господа, будьте корректны и приличны", — сказал я им, и повторить мне этого не пришлось. Более предупредительных форм я ныне не встречал. Тогда 22 ноября 1906 года я прочел в Совете профессоров бумагу Совета старост, в которой он извещает об учреждении студентами выборного органа

под названием "Совета старост". Положили при-
нять к сведению. В другой бумаге Совет старост
просил учреждения смешанной комиссии для раз-
решения академических вопросов. Стара (13 де-
кабря 1906 года) Совет от себя выделил профес-
сора — заведующего студентами для этой цели.
Потом для более детального обсуждения этого
вопроса я собрал у себя на квартире большин-
ство членов обоих Советов. Старост не было, все
согласно обдумывали, как лучше установить фор-
му сношений. Наконец Совет 7 февраля 1907
года постановил, ввиду отказа профессора Стана-
евича продолжать вести сношения со студенче-
скими организациями, учредить для этой цели
особую Комиссию.

21 февраля 1907 года Совет постановил:

1) Для сношений с представителями студен-
тов Совет из своей среды избирает Комиссию, в со-
ставе 3 членов.

2) В состав Комиссии входят представители от
технических и экономического отделений и от При-
каза. Члены Комиссии собираются на полугодич-
ный срок в начале каждого полугодия.

3) По обдуманным вопросам Комиссия не состо-
являет никаких решений, но о мнениях и пожеланиях
студентов доводит до сведения Совета.

И. Святитя профессор: Савельевы, Давы-
ков, Подшивалов, Мещеряков и Станевича члена-
ми специальной Комиссии на 1/2 года.

Уже два заседания этой Комиссии имели
место, в них разрешались вопросы из институт-
ской жизни, например, как сделать, чтобы паль-
то меньше крали и т. д.

Тем временем зло подкочалось под институт
самым незаметным образом с разных сторон. Во-
первых, умер Трехов и вместо этого герцога Аль-
бы появился товарищ Министра внутренних дел
Масаров, холодный карьерист, а во-вторых, Ми-
нистром торговли и промышленности оказался доб-
родушный, порядочный, но слабый Философов,
незнакомый с поручением ему ведомством, по
которому нужно министерское место. Наконец, а
довершило беду, Государственным оказался пло-
хой Фон-дер-Лаунц, ширсто ему небесное.

Директорские обязанности меня очень ую-
мили. "Пора на мое место новую метлу", — ду-
мал я и совсем было решил уйти в отставку.
Удержало меня одно соображение: "При мне ма-
шина расстроилась, при мне она должна опять
пойти здоровым ходом и теперь не время в ку-
сты ударить".

Я остался.

За 7 лет работы я износился до кости, устал
и ослаб. Я себе дал слово уйти из директорства
1 июня 1907 года одновременно с первым вы-
пуском экономистов и рассчитал, что 21 марта
перед тем должно будет состояться очередное

заседание Совета, на котором я решил объявить
о своем уходе и просить о выборе на мое место
другого директора, имея в виду 2 месяца на бал-
лотировку, утверждения и передачу дел.

То было 22 сентября 1906 года, а теперь
25 сентября 1906 года.

Опять является ко мне ночью Змиев, при-
став Лесного участка, приносит ордер, составля-
ет протокол, и на нем же я пишу прежние мыс-
ли, пишу отказ, только забываю сослаться на
старое прошлогоднее, секретное, предписание
Генерал-Губернатора по полиции. Вот протокол:

"1906 года, сентября 25-го дня, в 3 часа утра,
пристав Лесного участка — подполковник Змиев
составил сей протокол о следующем: Начальник
Санкт-Петербургского Охранного Отделения, орде-
ром от 24 сентября сего 1906 года, полученным мною
в 2 часа 25 сентября, поручает, по распоряжению
Г. Санкт-Петербургского Градоначальника, про-
вести на основании 21 статьи Положения об уст-
ройстве округа обыск у проживающих в здании
Санкт-Петербургского Психиатрического институ-
та, в комнате № 99, 1-го общежития студентов.
Было в район Подполковнику, я предлежал вышело-
женный ордер Г. Директору Института — Кириллу
А. Г. Гагарину и просил солидарства Его Святости
и исполнением возложенного на меня поручения, при
чем Г. Директор категорически отказал мне в со-
действии и пожелал собственноручно изложить в сем
протоколе мотивы отказа".

(Подпись пристава Змиева)

"Как показал опыт 29 ноября 1904 года, обыск
в общежитии при настоящих условиях не может
оказаться успешным. Если студенты, проживающие
в комнате № 99, действительно виновны в чем-ли-
будь серьезном, они будут обысканы и установлены
товарищеское негласное доверие у полиции на
крутые сутки. При приближении полиции к зданию
общежития, она ударит тревогу, направится в ко-
мнаты, где знает, что что-нибудь не в порядке, и
произведут "очистку" ее, так что если бы полиция и
узнало обыскать комнату, при обыске ничего не
будет найдено.

Занятия теперь у масс студентов идут усильно,
работают по 12 часов в сутки. Обыск одного или
двух классов разрыет всех остальных, оторвет их
от занятий. Студенты примутся всеми возможными
под рукою мерами избежать товарищески от ареста
полицией и не только не допустят ареста и обыска,
но выставят полицию, обеспечат ее. Я же своим
делом означившей однажды уже полицейского от
смерти в такой обстановке, не считая полезным
исторично пользоваться своим авторитетом перед
студентами, чтобы представлять из себя жалкую по-
лицию.

Несомненно, что со дня такого безрассудно-
го обыска общежития, занятия будут прекрати-
ться у всех студентов, Институт придется закрыть,

то вызывает брезглие и презрение жителей во всех высших учебных заведениях России".

Подпись: Директор, Киев А.Г. Гомель

По совету пристава, а на следующее утро шел к Фом-дер-Лауниццу, который пришел в гости, когда я ему объявил о том, что помышляю об обыске. "Обыск, — говорил Градоначальник, конечно обнаружил бы бомбы, Вы совершили преступление укрывательства и Вас следует немедленно уволить от должности. Рекомендую Вам сейчас съездить к Столыпину и доложить о происшедшем. Пристава Змиева я немедленно уволю за то, что он Вас послушался, когда у него в лесу было 200 вооруженных гороховых, бомбы обеспечить успех обыска". Когда я указал, что в таких условиях могло произойти массовое несчастие для неповинных, Лауниц сказал: "Пусть студенты не лезут на рожон, пусть за себя пеняют". Я ответил: "Если Вы мне официально заявите, что можете подвергнуть реальной опасности жизнь студентов, не причастных к Вашим обыскам, я их немедленно разогну по лицу русской земли, но не дам Вам их в обиду, я отвечу за них перед их родителями". Фом-дер-Лауниц не нашелся, что мне ответить, но с этого момента стал меня считать опасным человеком.

После меня зашел к Лауниццу Змиев, прослуживший 33 лет в полиции, и которого прошение об отставке Градоначальник раньше не принимал. Теперь он ее дал моментально и, благодаря своему старому прошению, Змиев вышел с честью из этой истории. На его место поставлен приставом некто Терпелевский, Георгиевский кавалер. У Столыпина сидели: директор Департамента полиции — Труссельг, который меня давно знал и терпел, как безарестного "узорешителя", когда был Прокурором Палаты в Губернском канцелярском управлении, и Макаров — товарищ Министра внутренних дел, подвашич меня перед тем один или два раза. В сентябре 1905 года я исключительным у него званием Нарыйского Крест высылкой за границу студента Леонтьева. Макаров еще меня мало знал и, кажется, ждал, что сделаю доброе дело, по моей просьбе. В тот разговор он все старался изловить меня на неосторожном слове. Этот раз он все время молчал. Интересно было бы слышать, что он говорил после моего ухода. Правдлен ли его путь, моговать выменявший разговор и затем действовать, убедив Столыпина в верности непроверенной гипотезы? Не думаю. Я все рассказал. Прошлогодние распоряжения Генерал-Губернатора, зап-

редавшие полицию вступать на территорию института, я совершенно забыл. Столыпина едва ли его отменил. Вероятно, он просто не читал и не признавал. Руководительного указания, как следовало на этот раз мне поступить, ни я не привел, ни Столыпин не высказал. Впечатление от визита осталось у меня, что она будируют, ставит факт все в минусе, с намерением его учесть, когда это будет удобно. В институте никто не узнал, по каким делам я сидел. В комнате № 99 и до сих пор живет студент Семенов, по убеждениям скорее консерватор.

Наком образом в моей голове не укладывается, чтобы Семенов занимался бомбами. Несомненно, что вся история 25 сентября 1905 года была ошибка. Я слышал, что это было Фом-дер-Лауниццу объяснено. Таким образом, я себе ставлю плюс за свое поведение. Вскоре я был Советом опять переизбран в директоры института.

Столовая общежития в ноябре 1906 года была передана Правлением института в ведение студентов. Это вызвало необходимость изменить устав 1905 года общежития в отношении столовой. В отношении же инструкции профессору — заведующему студентами, изменений не было.

В городе свобода собраний по-прежнему стеснена, и к нам посторонние попрежнему собирався. Из более тысячи студентов, живущих в общежитии, который-нибудь один всегда найдется, который посторонних пустит в одну из зал общежития, на свободе поговорить в дневные или вечерние часы. Полиция следить своих агентов посылает, и пристав Терпелевский сам рассказывает, как потом возмещает им суммы, какие агенты пожертвовали на сыльных и т. п. Собирают по 20 копеек, агенты требуют с Терпелевского по 35 копеек. Из показания признаются за непереложные, им верит пристав, верит Градоначальник, верит Макаров. Мало этого, Макаров пишет Философову и указанным его агентов верит и Философов и его товарищ — Остроградский и меня не вызывают, со мной не говорят и т. д. Мои же ответы, как бы факты, в них приведенные, мною лично не были проверены, этот самый Остроградский, которого я ни разу не видел за все время нашей совместной службы, называет отписками, им веры не дает, и это заставляет г.г. Сенаторов 1-го Департамента предположить меня виновным.

Но перебежите к письмам.

В составлении меня шлем принимали участие г.г. члены Правления. Письма, как вообще, так и исключение, мною читались в Правлении, а главнейшие и в Совете.

* На самом деле ничего не было, говорит Змиев.

М.В.Д. Копия вх. № 4423.
СПб. Градоначальник. 3 октября 1906 года
По канцелярии. Г. Директору СПб.
Администрат. Политехнического института
Делопроизв. 29 сентября 1906 г.
№ 8817.

"24 сентября, в 3 часа пополудни, полчицей множество, что в 2-х последних паровой дровяной конки прибыло из города, в числе прочей публики, довольно значительное число молодых людей обоего пола, за которыми было установлено наблюдение и дознание, что все эти лица направлялись в Санкт-Петербургский Политехнический институт. По подсчету в институт прибыло: 42 человека рабочих, 36 курсисток и 25 студентов разных высших учебных заведений Санкт-Петербурга. Все эти лица собрались в Михайловской мастерской института, в которой, несомненно, были и рабочие, постоянно проживающие в институте, где и состоялось собрание, руководимое одним из лаборантов института.

Долгом считаю предупредить Ваше Святельство для соответственных распоряжений, что подобные собрания в помещениях Института являются незаконными и отсюда не должны быть допускаться".

Подписал: Святи Его Величества —
Генерал-Майор Фен-дер-Лауниц,
секретарь: Управляющей Канцелярией —
Николаев.

7 октября 1906 года. Копия

Г. С.-Петербургскому Градоначальнику

"В свете на отношении, от 29 сентября сего года, за № 8817, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что отношение это, основанное на исправленном дознании, содержит в себе совершенно неверные сведения.

О том, что митинг имеет место, мне было сообщено полицейским участком 24 сентября, в 3 часа дня, в точности обещал Механический Пивалдон и, в частности, Механические (а не Михайловские; также в институте нет) мастерские, но никого, кроме служащих, на местах не нашел. Заведующий мастерскими занимался в них один (было воскресенье) с 11-ти часов до 3-х.

Совершенно случайно утром того же дня два профессора и 1 лаборант (три помолки вырвавшихся ключей) обходили все помещения и никого не нашли.

Обо всем этом и известил участок по телефону. Ввиду того, что распоряжение, рекомендованное мне Вашим Превосходительством, о недопущении незаконных собраний мною сделано данно и соблюдается, я к подтверждению его не усматриваю достаточных поводов.

В заключение, я обращаюсь в Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою не отказать в сообщении мне фамилии того лаборанта, которому в отношении Вашем приписано руководительство собранием".

Подписал: Директор Института — Копия А. Лавров.

М.В.Д. Копия вх. № 4864.
СПб. Градоначальник. 28 окт. 1906 года.
По канцелярии. Г. Директору СПб.
Политехнического
Составное делопроизводство. института
17 окт. 06 г. № 281.

"Вследствие отношения 7-го сего октября, уведомляю Ваше Святельство, что на состоявшемся в Политехническом институте, 24-го сего октября сего, митинге, с участием посторонних лиц, главным оратором института находивший в институте — старший лаборант, инженер Путья Сообщения, Коллежский жексдор — Степан Прокофьевич Тимошенко".

Подписал: Святи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
Генерал-Майор В. Фен-дер-Лауниц

Ср. Дер.Биник. Копия
17 окт. 1906 г. № 2929.

*Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Владимир Федорович*

"Вследствие отношения от 17 октября 1906 года за № 281, считаю необходимым самым решительным образом подтвердить сделанное мною в отношении от 7 октября 1906 года заявление, что 24 сентября 1906 года никакого митинга не было. Что касается инженера Тимошенко, то я он в указанное выше время ни разу оратором не выступал. Таким образом, сведения, имеющиеся в распоряжении Вашего Превосходительства по вопросу о митинге, несмотря на видимость их точности, — не соответствуют действительности.

Примите уверение в моем к Вам совершенном почтении — КНЯЗЬ А.Г. Гагарин." (Письмо это было поставлено Фен-дер-Лауниц).

М.В.Д. Копия вх. № 4867. 30 октября 1906 г.
СПб. Градоначальник. Секретно.
По Канц. Составн. Делоп. Срочно.
28 октября 1906 г. № 402.

Г. Директору Санкт-Петербургского Политехнического института.

"По полученным сведениям, 29 октября, в помещениях Санкт-Петербургского Политехнического института должны состояться конференции местной организации партии социал-демократов, по вопросу о предстоящем, в ближайшем будущем, съезде партии, причем в конференции примут участие представители Центрального Комитета, Санкт-Петербургский Комитет, Совет Рабочего Союза, Коллегия агитаторов и пропагандистов и избиратели из-находящихся по своей деятельности рабочие от каждого района по 2.

Свободы об изложенном, прошу Ваше Святельство, во избежание вмешательства полиции, принять надлежащие меры, к тому, чтобы противоправное собрание не могло состояться".

Подписал: Святи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
Генерал-Майор Ф.д.Лауниц,
Секретарь: Управляющей Канцелярией Владимир

При следующем посещении в благодарность Дон-дер-Лауинца за это товарищеское письмо, которым я, конечно, воспользовался для предупреждения незаконного собрания. Но он судя признал мою благодарность. Я все его видел неравног изволующим. Трудно с таким сооробить.

М.Т. и П.Р. Копия т.д. № 5366. 30 ноября 06 г.
Президиум
Учебный Отд.
ноября 1906 года.
№ 57697

*Милостивый Государь,
Князь Андрей Гурьевич.*

"По докладу Г. Министру Торговли и Промышленности письма, за Министра Внутренних Дел, Товарища Министра, Действительного Статского Советника — Макарова, от 9 текущего ноября, за № 14544, по вопросу о сходках студентов и посторонних лиц в здании общества Санкт-Петербургского Политехнического института, содержание какового письма было сообщено лично Вашему Высочеству, по моему поручению, старшим помощником вашего высш. отряда — Титулярным Советником — Акимовым, имея честь уведомить Вас, М.Г., в докладе к нему и Вам перетоварив, что Его Высочеством Высочайше повелено издать приказание иметь письменные ответы Вашего Высочества разъяснения по существу содержания такого письма, в особенности что покрывающие пропуску Вас не отказывай в сообщении мне на разъяснение, для доклада оных Г. Министру.

Пользуясь случаем, прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном моем к Вам уважении и т. д."

Подпись: А. Лавров.

Прекращение наших непосредственных сношении с министрами, в важных случаях, Филисофов установил заменять сношениями через Учебный отдел.

В Министра выдел. Копия:
Уч.Отд. 13 Копия Мин. Доверительно.
Войбр.06 г. 13 ноябр.
№ 7205. 1906 г. №
№ 501.

*Милостивый Государь
Дмитрий Александрович.
(Философов)*

"По имеющимся в Министерстве Внутренних Дел сведениям, в столовой при Санкт-Петербургском Политехническом институте постоянно происходят сходки студентов и посторонних лиц, причем такие незаконные собрания устраиваются не только в здании Директора института, но иногда и под руководством преподавателей названного учебного заведения, на что, Санкт-Петербургским Губернатором оном в сентябре месяце было обращено

внимание Князя А.Г. Гурария, Несмеяри, однако, на это, устройство подобных сходок в стенах Политехнического института не прекратилось и Директор никак не меря в прекращении революционной деятельности до извержения ему учебном заведении, по-видимому, не признавая. 24 сентября в упомянутой столовой состоялась сходка, которую руководил старший лаборант, инженер Путьев Сообщения — Тенюшанко. 22 октября в здании института была устроена сходка, в которой, помимо посторонних лиц, принимала участие профессор института, поручившись в своих речах действия Правительства по аграрным мероприятиям, предлагая присутствующим осуществлять переход земли во власть народа революционным путем.

Кроме того, на этой сходке провозглашалась декларация сбор в пользу ссыльных революционеров. 23 октября происходило собрание в студетическом обществе института, и присутствовавшими было до 1 000 человек; на означенном собрании, при ближайшем участии посторонних лиц, дебатировался вопрос о реляции и происходивший сбор давал в пользу политических преступников в г. Кронштадте. С участием на собрание являлись лица: со студентами и курсисткой по 30 к., а с посторонними по 35 к.

Таким образом, здание Санкт-Петербургского Политехнического института, при наличии в нем обширного студетического общества и крайне революционного направления большинства живущих в последнем, является таким местом, где под эгидой академической автономии воспитываются и организуются группы революционных деятелей, не только угрожающих общественному спокойствию, но и способствующих нарушению правильного течения учебной жизни.

Сообщая об этом сложном Вашему Высочеству, имея честь просить Вас, Милостивый Государь, принять..."

Подпись: Макаров. № 14544, 9 ноября 1906 года.

Большой Директорский Бланк. Копия:
23 ноября 1906 г. № 1130.
(Лавров).

*Милостивый Государь
Александр Емельянов.*

"Получив от Вашего Высочества частную копию письма Товарища Министра Внутренних Дел — Д.с.с. — Макарова на имя Г. Министра Торговли и Промышленности, от 9 ноября 1906 года за № 14544, имея честь сообщить по существу этого письма следующие разъяснения:

В текущем году при студетическом сходке было мало — только 4, посторонние лица на них вовсе не допускались, провозглашали они, каждый раз с моего разрешения, в Азовском зале, и содержание их подробно известно из газет (выбор старост и т. п.). Очевидно, таким образом, что упомянутое выше письмо, хотя в нем и говорится о сходках, имеет в виду не

слова, а те рефераты, которые, время от времени, устраиваются не в здании Института, а в чайной III обьекта.

В октябре этого года студенты обратились с ходатайством о допуске на рефераты; Совет постановил, что они могут устраивать рефераты в обьектах каждый раз с моего разрешения, причем лектором может быть постороннее институту лицо. И с тех пор рефераты устраиваются каждый раз с моего согласия и имеют научный характер, в чем я не раз имел случай убедиться. Так, на одном из подобных рефератов, на который я попал совершенно случайно, я слышал исследования о Пяфиторе.

Были рефераты и на религиозные темы. Религия мнения бывшего Ober-Прокурора Святейшего Синода — Князя Оболенского, что православная церковь женщина, в поддержку покаяния не нуждается и от этой поддержки только страдает, я развилась религиозным обоснованием, без которых религия невозможна и которая кончается у нас победой православной церкви. Наконец, читалось у нас на рефератах и об аграрном вопросе, причем вовсе не было и речи о передаче земли во власть революционных сил. Но те же вопросы о земледелии читались на лекциях в аудиториях нашими профессорами и то же обсуждается весьма горячо в печати.

Рефераты читаются или студентами или приглашенными студентами ректором. Один только раз рефератом был наш преподаватель, но случай этот, к сожалению, больше не повторился: лично я считал бы рефераты преподавателей в воспитательном отношении, в отношении порядка, дисциплины, ума желательными. Я в этом письме конечно не писал, что экономическое отделение сделало замечание этому преподавателю и просило его рефератов больше не читать. Я же считаю своим долгом замолвить референта перед начальством.

Возражи мнению Г. Товарища Министра Внутренних Дел, рефераты, устраиваемые в обьектах, ничего исключительного не представляют. Мысли в них до сего пор повторяются те, которые встречаются в газетах. Если же на них и замечалась иногда не полная сдержанность молодежи, то вполне можно относиться к этому, мне кажется, не следуя. Необходимо увидеть огромную пользу, принесенную рефератами в деле постоянного перелома молодежи от прежнего состояния аффекта в политических, религиозных и других вопросах к мирному и тольконому их обсуждению со всеми про и контра.

После ударов революций, рефераты в безвзвешенной обстановке являлись фонтанально, свешдали у весьма многих высокое давление к нулю.

В настоящее время рефераты, как и следовало ожидать утратили для большинства интерес и многие уже набившие оскомину, посещения сравнительно меньше и, по моему глубокому убеждению, вымерают. Если в одном зале происходит реферат, а в другом домашний концерт, зал реферата пуст, все на нуле.

Я не отрицаю, что на этих рефератах могли быть и посторонние лица, из числа тех посетителей, которые, согласно §13 предлагаемых правил имеют право бывать у студентов.

Я, без всякой колебаний, разрешаю эти рефераты, а Советская коллегия относится к ним с терпимостью, только не допуская их в учебных зданиях института, так как такое разрешение могло бы помешать правильному ходу занятий. И я должен удостоверить, что академическая жизнь в институте в настоящее полугодие ничем вовсе не нарушалась и учебные занятия шли и идут без перерыва.

Совершенно иначе смотрит на эти рефераты Г. Санкт-Петербургский Градоначальник и Г. Товарищ Министра Внутренних Дел, оба, получившие необходимые им сведения из одного и того же источника. По-видимому, мало доверяя мне, Директору института, Г. Градоначальник с полным доверием относится к доноскам подчиненных ему полицейских агентов. Между тем, агенты эти самым невозможным для того, чтобы дать Министру Внутренних Дел правильное понятие о моральном состоянии студенчества, и не всегда настолько добросовестны, чтобы в доносах своих ограничиваться одной лезь правды, для доказательства позволяя себе прилагать копия переписки по поводу одного из митингов.

Копия отношения С.-Петербургского Градоначальника от 29 сентября 1906 года № 8817 (отдельно).

Мое отношение на имя Г. С.-Петербургского Градоначальника от 7 октября 1906 года (копия имеется отдельно).

Отношение С.-Петербургского Градоначальника от 17 октября № 181 (копия имеется отдельно).

Мое письмо на имя Градоначальника, от 27 октября 1906 г. (копия имеется отдельно).

В упомянутом выше письме, от 9 ноября сего года № 14548, на имя Министра Торговли и Промышленности д.с.с. — Макаров, между прочим, пишет:

«24 сентября в упомянутой свечевой сосиски сосиски, которую руководил старший лаборант, инженер Пугач Свободина — Тимошенко».

Как видно, эти мои доводы кое-что достигли: Г. Товарищ Министра Внутренних Дел согласился, что в "Михайловских мастерских" митинги не был.

Премудро Ваше Превосходительство проявил уверенность в совершенном моем к Вам уважении и искренней преданности."

Политиск: Князь А.Г. Гадов.

И этому моему письму не поверил ни Макаров, ни Остроградский, приняли его за отписку. Теперь Тимошенко состоит профессором математики в Киевском Политехникуме. Человек высокой аристократии, дать мне, да и вообще кому, я знаю, не станет. Он говорит, что не ходил на рефераты и не говорил на них.

Занятия идут прекрасно. Что им надо?

(Продолжение следует)